

КОСМОС КОММУНИКАЦИЙ: ВЕЧНОЕ И НОВОЕ

В. В. Василькова

История идей богата примерами удивительных смысловых трансформаций различных терминов и понятий. То, что произошло за долгие века с понятием «космос», весьма поучительно и крайне печально. В современном понимании космос — это характеристика небесной сферы, все то, что находится за пределами планеты Земля и земной жизни. Однако в древнегреческой мыслительной культуре это понятие было гораздо более многомерным и поэтому трудно переводимым на язык современного редуцированного сознания. Под космосом понимали всеобщий миропорядок, гармоничный уклад в любых проявлениях — будь то воинский строй, государственное устройство или женщина, приводящая себя в порядок (отсюда слово «косметика»). Таким образом, греки называли космосом любое онтологическое проявление земной жизни, если оно «прошло обработку» гармонией и порядком и верили в то, что богозаданный порядок пронизывает и организует все уровни и формы мироздания.

Однако в эпоху Нового времени, по меткому выражению известного историка философии А. Койре, произошло «разрушение Космоса», отрыв земного бытия от небесного. Теперь полагалось, что истинная гармония, соразмерность и идеальный порядок возможны только в божественном, небесном мире, за которым и закрепилось название космоса. В мире же земном такой порядок неизбежно искажен низшими материальными субстанциями. Такая понятийная редукция лишала человека надежды постичь абсолютные смыслы или порождала в человеке «пагубную самонадеянность» в том, что он сам, силой своего разума, способен сотворить человекомерный порядок и подчинить ему все мироздание.

Во второй половине XX века следствием этих сдвигов в способах миропонимания стало, с одной стороны, разрушение «проекта Модерна» и возникновение постмодернистской культуры, а с другой стороны — попытка возродить на новых научных основаниях поиски универсальных закономерностей организации и порядка образования, общих для всех сфер мироздания. Во втором случае речь идет о таких методологических традициях как междисциплинарность, системный подход и синергетика (новейшая модификация системного подхода). Именно в них реализуется античное натурфилософское наследие целостного, холистического мировидения.

Интересно, что вновь появляющиеся в пространстве научной мысли проблемно-тематические сгустки попадают в своего рода зону притяжения холистического подхода. И тогда возникают очень оригинальные объяснительные модели и концепции, выходящие за пределы решения частных проблем.

Такая судьба постигла проблему коммуникации, мода на которую возникла в 60–70-е годы XX века как рефлексия на новое явление — экспансию средств массовой информации. Но при этом проблема коммуникации появилась «в нужное время и в нужном месте», она сразу была обречена на междисциплинарность и формировалась на перекрестке интересов целого ряда наук и научных направлений: теории информации, кибернетики, лингвистики, семиотики, психологии, антропологии и др.

Методологическим компромиссом, своего рода негласным соглашением, объединившим исследователей социальных коммуникаций, стал системный подход. А понятие «коммуникативная система» стало общезначимой и, как оказалось, весьма конструктивной формой междисциплинарного сотрудничества. При этом системный подход стал диктовать свои условия описания коммуникативных процессов. Так, например, появившийся в науке синергетический подход «отредактировал прочтение» коммуникативной проблематики.

В синергетической трактовке были сделаны новые акценты в понимании эволюции и самоорганизации сложных систем. Речь идет о таких методологических принципах, как роль открытости, нелинейности, неравновесности и когерентности в возникновении упорядоченных структур, сосуществовании в сложившихся структурах хаоса на микроуровне и порядка на макроуровне, структурообразующей функции негэнтропийного источника в формировании порядка и др.

Эти принципы самоорганизации сложных систем стали проникать в теорию коммуникативных систем, с одной стороны, порождая новые оригинальные теоретические концепты (такие, например, как кибернетика второго порядка, теория эволюционного менеджмента, коммуникативная социология Лумана и др.), с другой стороны — иницируя новое прочтение и переосмысление традиционных теорий и идей.

В рамках данной статьи мы попытаемся сопоставить и найти точки пересечения различных когнитивных традиций и научных направлений: древнейшего натурфилософского понимания порядка (Космоса) и новейших научных направлений — лумановской теории аутопоэтических коммуникативных систем, синергетической трактовки структурообразования в нелинейной среде и концепции интеллектуальных коммуникативных сетей Р. Коллинза. В них представлены различные подходы к объяснению феномена самоорганизации коммуникативных систем, однако они сходятся в признании того, что эти системы структурируют себя в строго определенных онтологических и символических формах.

Выбор этих четырех концептов не случаен. Их сравнение позволяет, с одной стороны, универсализировать ряд закономерностей самоорганизации, показать схожесть процесса упорядочения в онтологически наглядных и «незримых» системах коммуникации, а с другой стороны, приблизиться к пониманию тайны человеческого общения — неуловимым коммуникативным контактам, образующим социальный мир и мир повседневной коммуникации.

Теория коммуникативных систем немецкого социолога Н. Лумана представляет собой радикальную версию новой коммуникативной социологии. Его модель общества холистична и базируется на современной (синергетической) версии теории систем и кибернетики второго порядка (идеи У. Матураны). Общество по Луману — это не результат взаимодействия отдельных субъектов (индивидов, государств), как это мыслилось в классической социологии, но совокупность коммуникативных систем. Каждая такая система является, во-первых, *операционально замкнутой* (не в том смысле, что она не взаимодействует с окружающей средой, а в том смысле, что она сама четко определяет свои собственные границы в окружающей среде), во-вторых, *аутопоэтической*, т. е. созидающей и описывающей самое себя, являющейся хозяйкой своего положения. Коммуникация «не имеет пространственного места», т. е. не привязана к региональным обществам, она сама определяет значение социального пространства и ограничивает его, т. е. созидает себя, свою онтологию.

Социальная система выстраивается подобно сети: любая коммуникация возможна лишь в рекурсивной сети предшествующей и последующей коммуникации. Такая сеть может сама себя информировать и тематизировать, принимать или не принимать информацию, нормировать ее.

Внутреннее устройство коммуникативной системы описывается у Лумана посредством понятия *структурного сопряжения*, заимствованного у Матураны. Речь идет о том, что коммуникативная система может определить себя только через собственные структуры — через структуры, которые можно построить и изменить посредством собственных операций. Такими операциями являются «включение» и «исключение» определенных «источников возбуждения», вокруг которых выстраивается коммуникация. При этом структурные соединения осуществляют определенную селекцию, накапливая одни возбуждения и исключая другие.

Еще одним важным понятием, отражающим структурирование и упорядочение коммуникативных систем, является у Лумана понятие *символически генерализованных посредников* (заимствовано у Парсонса) — это язык, письмо, деньги, власть, влияние, ценностные ориентации, истина, любовь и др. Через них реализуется цель коммуникации, они обеспечивают понимание на надындивидуальном уровне [1, с. 47]. Добавим от себя, что символи-

чески генерализированные посредники фокусируют, организуют вокруг себя коммуникацию и определяют саму суть коммуникации (от лат. «делать общим»), т. е. создают постоянную или ситуативную социальную общность.

Новый лумановский образ общества как «всеобъемлющей системы всех коммуникаций», производящих себя аутопоэтически в рекурсивной сети [2, с. 34], вырастает из современной модели нелинейного мира и методологически согласуется с синергетическим образом самоорганизации нелинейной среды. Такая среда есть совокупность разнотемпоральных (развивающихся с разной скоростью и интенсивностью) структур, имеющих четкие локальные границы. Жизнь и динамика таких структур имеет свою память о прошлом развитии и продолжена в будущее. Каждая локальная структура формируется вокруг структурообразующего центра — негэнтропийного источника, придающего системе динамику (в теории коммуникаций такую функцию осуществляют символически генерализированные посредники). Лумановский коммуникативный порядок сопоставим с синергетическим пониманием порядка как синтеза хаоса на микроуровне и порядка на макроуровне, поскольку символические посредники не просто придают обобщающие смыслы коммуникации, но и осуществляют селекцию понимания — непонимания, восприятия — отклонения, отсекая ненужное, не вписывающееся в смысловой круг коммуникации, подобно тому, как поступает хаос в ходе диссипативного процесса, описанного синергетикой.

Самореферентность и аутопоэзис коммуникативных систем Лумана являются теми механизмами, которые обеспечивают необратимость развития этих систем (в синергетической литературе — «стрела времени»). В коммуникации, по Луману, принципиально невозможна устойчивая равновесность, выраженная в утопических поисках так называемого консенсуса. Луман критикует хабермасовское положение о том, что смысл коммуникации заключается в поиске консенсуса. По мнению Лумана, разногласия столь же важны для коммуникации, сколь и консенсус. Более того, без разногласий не существует коммуникация. Полное понимание означает «безмолвие» и остановку коммуникации, точнее, ее уничтожение (здесь можно вспомнить одно из парадоксальных определений коммуникации: диалог — это разговор двух людей, не понимающих друг друга).

Можно сказать, что новая теория социальных коммуникаций (которая претендует стать одной из центральных в современной социологии), будучи сама своего рода самореферентной коммуникативной системой, активно вырабатывает свой язык для самоописания. Для этого используются, порой трансформируясь, понятия не только из социологии, но и из научных направлений междисциплинарного характера — общей теории систем, кибернетики, теории эволюции, теории информации. Синергетический понятийный дискурс также может быть весьма органично вписан в выстраивание когнитивных основ новой теории. Эта тенденция, конечно же, не случайна. За ней стоят непрекращающиеся в последние десятилетия поиски универсалистских объяснительных схем и когнитивных матриц, способных зафиксировать общие для разных уровней и сфер бытия законов развития и организации. По-видимому, здесь мы имеем дело со своего рода «ответом на натурфилософский вызов» конца XX — начала XXI веков.

На наш взгляд, возрождение натурфилософских интенций не только стимулирует появление методологических новаций междисциплинарного характера и интегративных тенденций в современном научном знании, но и позволяет по-новому оценить значимость тех способов миропостижения, которые были свойственны (и весьма продуктивны) для холистического натурфилософского восприятия мира (образ, символ, аналогия). Научное понятие, выраженное рационалистически и вербально, всегда есть редукция таких целостных способов мировосприятия. Но с другой стороны, именно они порождают синтетические по своей природе когнитивные матрицы, паттерны целостности, из которых, подобно фрактальной развертке, вырастают научные теории и концепции.

Одним из таких натурфилософских символических образов, способных эвристически обогатить современное научное мировидение, является образ мифологического Космоса,

представляющий собой архетипический ментальный паттерн мирового порядка (а точнее — процесса упорядочения и структурообразования через самоорганизацию и саморазвитие).

Остановимся на анализе тех характеристик мифологического Космоса, которые, на наш взгляд, могут являться аналогами описания самореферентных аутопоэтических коммуникативных систем как самоорганизующихся структур порядка. Такая логическая процедура позволит связать новейшие понятийные разработки теории коммуникаций с древнейшим архетипическим смысловым пространством, в котором мыслились коммуникативные акты в традиционных культурах (социология до сих пор «делит» коммуникативную проблематику с антропологией и этнографией).

В разных культурах мира мифологический образ Космоса имеет сходные черты и поэтому может выступать универсальным кросскультурным архетипическим образом гармонии и порядка. Космос являет себя только в соотношении с мировым Хаосом, это есть форма упорядочения Хаоса, порождаемая «миротворящей» и самосозидающей силой, потенциально содержащейся в Хаосе. Причем Хаос выполняет двойственную роль по отношению к структурам порядка — порождающую и уничтожающую одновременно. Нерасчлененность и смешение Хаоса уступают место дифференциации, дифференциация — соединению элементов мироздания в гармоничный Космос.

Созданный Космос должен быть целостным и совершенным, что в пространственных очертаниях соответствует сфере, в которой все точки поверхности равноудалены от центра. Именно такую форму, согласно Платону, Демиург придал Вселенной, путем вращения округлив Космос. Сфера как результат круговращения — важнейший принцип древнегреческой теокосмогонии. У Ксенофана божество имеет форму шара, у Демокрита Бог есть «ум в шарообразном огне», шарообразны богоустроенная Земля у Анаксимандра и Космос пифагорейцев. Космогонические представления Гераклита включают суждения о вихре и круговращении. Эмпедокл, рисуя циклический ход мирового процесса упорядочения, говорит о природе любви и согласия, когда все элементы смешаны самым совершенным образом в Сфэросе — огромном однородном шаре, пребывающем в покое.

У древних китайцев Символ Великого Предела обозначался кругом с симметричным соотношением светлого и темного полей, означающим гармонию противоположностей Ян и Инь, мужского и женского, активного и воспринимающего.

Модель мира как замкнутого кругового иерархически структурированного целого представлена в образе Мирового Яйца как первоформы мирообразования, рождения мира (Космоса) из Хаоса. Подобные сюжеты содержат космогонические мифы Египта, Месопотамии, Индии, Греции, Китая, Полинезии, славянских народов.

При этом «шарообразный Космос», согласно Платону, благодаря своему совершенству, осуществляет «все свои действия и состояния в самом себе и само через себя». Тело Космоса способно «пребывать в общении с самим собою», не нуждаясь «ни в ком другом» и довольствуясь «познанием самого себя и содружеством с самим собою» [4, с. 436–437]. Таким образом, подобно лумановским аутопоэтическим системам платоновский Космос формирует и описывает себя сам.

Особую сакральную роль в структуре мифологического Космоса играет центр — место пребывания Мировой Души, Бога, Вселенского Разума, откуда он распространяет свое гармонизирующее структурообразующее воздействие. Именно так рисует устройство Космоса Платон в диалоге «Тимей». Этому образу соответствует такая фигура мирового порядка, как круг с точкой или отверстием посередине, которую мы встречаем, в частности, у Пифагора или в древнеиндийской мифологии (Золотое Яйцо, из которого появился Брахма). Сакральный центр «тела» Космоса — не просто место пребывания Бога, это пространство, где мироорганизующие процессы разворачиваются в другом темпоритме, это путь вертикального восхождения к Абсолюту (путь Богов), зона источника силы, придающей всей структуре Космоса динамическое, развивающее начало.

Таким образом, интегральный образ Космоса представляет собой соединение земной круговой горизонтали и божественной вертикали. Инвариантом такого образа в различных мифологических традициях выступает Мировое Древо, в котором представлена целостная иерархизированная система горизонтально-вертикальных связей мирового порядка: членение по горизонтали отражает и задает параметры «земному миру» в его статике, а членение по вертикали — миру Абсолютных смыслов и динамике восхождения к нему.

И наконец, очень важно отметить, что космологизация Хаоса не может быть завершена раз и навсегда. Это вечный и бесконечный процесс, в котором Космос должен пересотворяться снова и снова, черпая новые силы из неуничтожимого Хаоса и порождая новые структуры, которые каждый раз обретают относительную устойчивость в гармоничных сочетаниях космопорядка.

Обратимся теперь к «космологическим аналогиям» в интерпретации современной теории коммуникаций.

Устойчивые коммуникативные структуры возникают из хаотической разноголосицы простейших коммуникативных процедур, из которых (в соответствии с принципом космологической дифференциации и соединения) отбираются лишь те, которые осуществляются по поводу объединяющего их основания.

Восприятие и отклонение можно рассматривать в данном случае как проявление двойственной роли хаоса: он уничтожает лишние коммуникативные контакты (информационные шумы) или соединяет их по принципу «понимания». Подобно Мировому Хаосу, информационный хаос неуничтожим, а случайные шумы и отклоненные варианты «непонимания» всегда могут послужить материалом для порождения новых устойчивых коммуникативных структур и сетей (цепочек).

Коммуникативная система по своему устройству и характеристикам также «космоподобна». Она пространственно замкнута, локализована «кругом общения», порождает свой дискурс (самореференцию) как способ своего существования и сохранения.

Словосочетание «круг общения» — это не случайная метафора, а, скорее, отражение коммуникативной онтологии. Подобных словосочетаний множество применительно к разным аспектам коммуникации: «круг друзей», «люди нашего круга», «круглый стол», «кружки по интересам», «семейный круг», «круговая порука» и др. В психологии общения давно известно, что именно круговая рассадка участников разговора наиболее эффективна, поскольку все они равны («равноудалены от центра») и объединены «пониманием» («структурное соединение» у Лумана), что соответствует таким мифологическим характеристикам Космоса как целостность и гармония, «содружество самим с собой».

Архетипом такой пространственной структуры коммуникации являются, конечно же, ритуальные хороводы, отражающие, с одной стороны, единение участников в ритуальном обряде поклонения сакральному объекту, с другой — профаническое равенство перед моществом Священного.

Сакральным центром больших и малых «космосов коммуникации» являются незримые источники их объединения, позволяющие поднять (возвысить) коммуникацию до макроуровня социальной организации. Это «символически генерализированные посредники» — те смыслы и вечные ценности, по поводу которых осуществляется коммуникация и благодаря которым структурируются коммуникативные системы.

Сакрализация смысловых центров «космоса коммуникации» объясняется тем, что именно в них воплощено «осевое время», обеспечивается связь существующих в «горизонтале настоящего» участников коммуникации с «исторической вертикалью» предшествующих и последующих коммуникаций, т. е. связь с Абсолютными, вечными смыслами.

Причем применительно к социальным коммуникациям речь идет о конфигурациях подобных структур не только в ментальном плане, но и о вполне привычных для нас материальных воплощениях — об организации социального пространства семьи, города, публичной аудитории и т. д.

В частности, архитектурный канон современного европейского города, сформировавшийся еще в эпоху средневековья, имеет в своем центре правильной формы площадь в форме круга (мандалы) и сакральную вертикаль, ранее воплощенную центральным храмом (ратушей), а теперь — главным административным зданием города, представляющем государственную (высшую) власть. Таким образом проявляется бессознательное стремление к преобразованию города в упорядоченный космос, священное место, связанное через свой центр с высшим миром.

В подобном контексте можно рассматривать и организацию пространства наиболее древних жилищ кочующих народов (северные чумы, степные юрты, индейские вигвам и др.), представляющие собой конусообразную структуру, которая создана пересечением сакральных горизонталей (круга) и вертикали (осевой связи мирского и Божественного).

Пространство публичной коммуникации в речевом взаимодействии также сохраняет традицию космологизированной онтологии. У различных народов мира залы парламентов, студенческие аудитории, театральные залы имеют форму амфитеатров — правильных сегментированных полусфер, в центре которых на особом возвышении (трибуне, кафедре, сцене) находится место лидера коммуникации (оратора, проповедника, лектора, актера), который в данном случае выступает посредником между миром людей и миром высших смыслов и истин (генерализирующих символов). Кстати, эту же пространственную конфигурацию используют организаторы многочисленных телевизионных ток-шоу.

В современной международной практике политических переговоров широко используются круглые столы (часто с полкой серединой), в центре которых — расположенные на возвышении (стелле, пьедестале) цветы. Здесь, помимо всего прочего, воспроизводится архетипическая символика растения как знака развития, роста, восхождения от земного к небесному.

Архетипические, вечные характеристики мифологического порядка (Космоса) нашли свое неожиданное проявление в описании весьма прагматической концепции интеллектуальных коммуникативных сетей, принадлежащую американскому социологу Р. Коллинзу. Идеи Коллинза интересны в первую очередь тем, что они, по нашему мнению, явно перекликаются не только с натурфилософскими представлениями об универсальном миропорядке, но и с лумановской и синергетической трактовками коммуникативной сетевой социальной организации.

Отправной точкой анализа социальных коммуникаций для Коллинза является не отдельный субъект и даже не взаимодействие субъектов (как и для Лумана), а «локальная ситуация», которая, по его словам, проникает сквозь индивидуальное и последствия которой распространяются вовне через социальные сети к макроуровню социума. Локальные ситуации вписаны в коммуникативные сети и порождают их; они окружают друг друга во времени и пространстве, они обращены вовнутрь и вовне (рекурсивность у Лумана).

Соотношение микро- и макроуровней социальной коммуникации у Коллинза близко по описанию синергетическому пониманию: «Макроуровень общества должен быть понят не как слой, расположенный вертикально над микро-, как если бы он находился в другом месте, но как развертывание спирали микроситуаций. Микроситуации встроены в макропаттерны, являющиеся как раз теми способами, которые связывают ситуации друг с другом; причинность — если угодно, деятельность — проистекает извне вовнутрь так же, как изнутри вовне. Мы можем понимать макроструктуры... рассматривая макро- как динамику сетей, объединение цепочек локальных столкновений, которые я называю *цепочками интерактивных ритуалов*» [6, с. 67]. Система интерактивных ритуалов обширна и, вместе с тем, хорошо знакома всем представителям научного этоса: это и ритуальные по своей сути церемонии защиты диссертаций, и воспроизводимые с более или менее необходимой частотой научные конференции, симпозиумы, конгрессы, семинары, дискуссии, и, как правило, четко ритуализированные повседневные коммуникации ученых, в которых существуют незримые требования к темам разговоров, характеру комплиментов, обмену репликами.

Интерактивные ритуалы, как их понимает и описывает Коллинз, являются своего рода иллюстрацией лумановских понятий операциональной замкнутости и самореферентности коммуникативных систем. Во-первых, именно интерактивные ритуалы обозначают границы локальной коммуникативной ситуации (формальные жесты приветствия и прощания, малые знаки уважения, которые идеализируют личности участников и сами случаи встречи, создают эффект солидарности). Во-вторых, операциональная замкнутость коммуникативных систем обеспечивается их способностью к самоописанию и самопорождению. Именно ритуалы создают и воспроизводят символы, действующие как линзы, через которые члены сообщества видят мир, а также становящиеся своего рода безусловными кодами общения. Эти символы не только осуществляют смысловую и организационную фильтрацию на «свое» и «чужое» (у Лумана «восприятие и отклонение»), они позволяют участникам фокусировать внимание на одном и том же объекте или действии. Причем каждый осознает, что другой удерживает этот фокус внимания.

Эффект социальной солидарности, возникающий при соблюдении коммуникативных ритуалов, Коллинз описывает так: «Усиливаются и накапливаются взаимный фокус внимания и общее настроение. Телодвижения, речевые акты и голосовые микрочастоты согласуются в едином ритме, общем для всех участников. По мере того, как микрокоординация усиливается, участники временно объединяются в общей для них реальности и ощущают границу, или мембрану, между этой ситуацией и кем бы то ни было вне ее» [6, с. 69]. Человек, знакомый с синергетической литературой, легко угадает в этом описании эффект синергизма — когерентности (согласованности поведения) микрочастиц, необходимой для создания самоорганизующейся структур на макроуровне.

Подобная коммуникативная структура отвечает еще одному синергетическому условию самоорганизации — она формируется вокруг негэнтропийного источника, питающего своей энергией процесс формообразования. У Коллинза эта особенность характеризуется аналогичным образом: интенсивность интерактивных ритуалов порождает особую «моральную силу» (Э. Дюркгейм) или *эмоциональную энергию*, которая заряжает индивидов «подобно электрическим батареям» и обеспечивает высокий уровень энтузиазма по отношению к ритуально созданным символам.

Из каждой локальной коммуникативной ситуации (интерактивных ритуальных «столкновений») люди выходят с запасом эмоционально заряженных символов (Коллинз называет это культурным капиталом) и эмоциональной энергией, которые в случае ее угасания требуют новой подпитки путем нового «ритуального участия». На синергетическом языке речь идет о губительном действии энтропийных процессов. В практике научного этоса это выражается в том, что длительное выведение ученого из своего коммуникативного круга ведет к потере интеллектуальной и духовной энергии, угасанию творческих возможностей.

Космологизация коммуникативного пространства наиболее ярко прослеживается у Коллинза при описании интеллектуальных интерактивных ритуалов, архетипических и сакрализованных по своей сути. По его мнению, сети интеллектуалов отличаются от других сетей социальной жизни тем, что их способ общения друг с другом, их интерактивные ритуалы (дискуссии, лекции, конференции, семинары) необходимы не для социализации и не имеют практического характера, но существуют во имя сакрализации истины (истина — один из символических генерализированных посредников коммуникации). Традиционные встречи интеллектуалов — это церемониальные собрания во имя поклонения этому сакральному объекту, без чего он не может быть ни создан, ни сохранен.

Что касается описания структуры интеллектуального общения у Коллинза, то в этом описании мы можем обнаружить очертания мифологического Космоса. Горизонтальное измерение коммуникации описывается как «круговое общение»: интеллектуальная полемика (споры, взаимные вопросы и опровержения) происходит в круговой структуре, которая напоминает «кольцо кула, потлач или вендетту». Фокусом интеллектуального общения, взаимобмена информацией является не конкретное содержание обсуждения (лекции далеко не всегда убеждают слу-

шателей, а конференции и семинары редко приводят к единодушию), а осознание непрерывности самой группы как активности дискурса, т. е. значимость подобной деятельности как таковой. При различиях в содержании теоретических позиций все участники научного коммуникативного «круга» равны в безусловном принятии ценности «общения во имя истины».

Сакральная вертикаль (эпицентр мифологического Космоса) порождается самим характером интеллектуальной деятельности — чтением и написанием текстов. Эти тексты, даже когда они не опубликованы, всегда обращены к предшественникам и последователям — невидимым, но значимым аудиториям. Таким образом, коммуникативная деятельность интеллектуалов простирается назад и вперед во времени, выводит авторов из царства частного в царство публичного и вечного. Именно выход в надындивидуальное освящает интеллектуальные коммуникативные ритуалы, а особый сакральный объект (истина, мудрость, поисковая исследовательская деятельность) являются одновременно «и вечными, и воплощенными в потоке времени». Поэтому можно сказать, что любой создатель текста в какой-то степени бессмертен, поскольку он всегда преодолевает бытийную повседневность, поднимаясь в мир абсолютных смыслов. Таким образом, возвышается и сакрализуется такое, казалось бы, профанное действие, как вождение ручкой по бумаге.

При этом, как справедливо замечает Коллинз, сакрализируются далеко не все точки (темы) обсуждения и не все тексты, а только те, которые попадают «в фокус внимания как можно ближе к центру». Эти темы должны обладать следующими характеристиками: «мои идеи новые» или «мои идеи важные». Ведущими интеллектуальными лидерами оказываются те, кому удалось угадать эти фокусы внимания и обосновать новизну или важность своих идей. Переводя это замечание в дискурс лумановской теории коммуникаций, можно сказать, что такие ученые и их труды становятся своего рода «источниками возбуждения» в коммуникативной среде, благодаря им осуществляется селекция значимых идей: накапливаются одни возбуждения и исключаются другие. Именно так, вероятно, и формируется проблемное поле каждой науки (отрасли знания) в тот или иной период времени. Пространство интеллектуальных идей организует себя по синергетическим законам развития нелинейной среды, где одни структуры «пожирают» другие и где выживают структуры, наиболее жизнеспособные и перспективные с точки зрения энергетического потенциала.

Однако важно при этом помнить, что мы постигаем и конструируем новое знание по очень древним, архетипическим законам космообразования, диктующим нам и организацию интеллектуальных коммуникаций, и способы освоения истины.

«Не ищите нового — ищите вечного», — говорили древние греки. Этот завет античной натурфилософии, на первый взгляд, звучит диссонансом нашей эпохе постмодерна, в которой царит культ новаций — технологических, интеллектуальных, культурных. Однако именно в период деконструкции, мозаичности и интеллектуального авантюризма важно понять, что постижение истины во все времена и ныне связано не столько с всемогуществом человеческого разума, сколько со способностью ощутить себя частью мирового Космоса, а нашу интеллектуальную работу — частью универсального процесса мироупорядочения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луман Н. Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
2. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994, вып. 2.
3. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань, 1999.
4. Платон. Собр. Соч. в 4 т. М.: Наука, 1994, т. 3.
5. Василькова В. В. Мифологический образ космоса и пространство социальной коммуникации: поиск архетипических аналогий // Рабочие тетради по компаративистике. Вып. 3. Сравнительные исследования в гуманитарных и психологических науках. СПб.: Социологическое об-во им. М. М. Ковалевского, 2001.
6. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.